ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 343.985
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.17

Original article

ЖЕЛУДКОВ Михаил Александрович
Тамбовский государственный технический университет; Юго-Западный государственный университет,
Тамбов, Россия,
kandydat1@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0003-4482-125X

ZHELUDKOV Mikhail Aleksandrovich
Tambov State Technical University;
South West State University,
Tambov, Russia

ИНЖИНИРИНГ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОПАСНЫМИ ФОРМАМИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ ОБЩЕСТВА ПРИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПНОСТИ

DIGITAL CONTROL ENGINEERING OF DANGEROUS HUMAN BEHAVIORS FOR PUBLIC SAFETY AND CRIME PREVENTION

Аннотация. *В России постоянно проводится научная дискуссия об ограничении общественно опасного поведения человека, в том числе с помощью видеокамер, работающих в связке с программой распознавания лиц и использующих базу биометрических данных физических лиц. Однако нормативно-правовое регулирование данного процесса не закрепляет задачи профилактики таких форм поведения человека и тем более обязанность правоохранительного реагирования до совершения преступного или административного деяния. При реализации технологий цифрового территориального контроля нерешенными остаются вопросы, связанные с понятием «общественно опасное поведение», а также вопросы закрепления соответствующих функциональных обязанностей за сбором, документированием, оценкой и доведением до охраны права подобных форм поведения, мониторинга и последующего анализа принимаемых решений. Цель: анализ и оценка проблемных аспектов реализации систем инжиниринга цифрового контроля за общественно опасным поведением человека, их учет при разработке эффективных программ профилактики преступности и предложений по изменению законодательства в этой сфере. В качестве базовых методов исследования использованы: сравнительно-правовой (сравнение элементов правовой системы при реагировании на негативные формы поведения, где присутствуют явные признаки отклонения от норм и*

Abstract. *In Russia, there is an ongoing scientific discussion about restricting socially dangerous behavior, including via video cameras paired with facial recognition and biometric databases. However, the current legal and regulatory framework for this process does not establish the tasks of preventing such forms of human behavior, let alone the duty of law enforcement response prior to the commission of a criminal or administrative offense. When implementing digital territorial control technologies, unresolved issues remain related to the concept of "socially dangerous behavior", as well as the assignment of corresponding functional responsibilities for collecting, documenting, assessing, and reporting such behaviors to law enforcement agencies, along with monitoring and subsequent post-decisions analysis. Purpose: to analyze and evaluate the problematic aspects of implementing digital control engineering systems for socially dangerous human behavior, to take them into account when developing effective crime prevention programs, and to propose amendments to the legislation in this area. The article uses the following basic research methods: comparative law (comparing elements of the legal system in response to negative behaviors where there are clear signs of deviation from the norms and rules established in society), formal and dialectical logic (these methods are used to examine the interrelationships between phenomena and*

© Желудков М.А., 2026

правил, установленных в обществе), формальной и диалектической логики (с помощью данных методов исследованы взаимосвязи между явлениями и сформулированы общие выводы), толкования юридических норм (применялся для уяснения содержания концепции инжиниринга цифрового контроля за общественно опасным поведением человека для устранения пробелов в регулировании правоприменения). Результаты: предложен механизм оценки содержания опасных форм поведения человека в общественном месте и в сети Интернет. Сформулированы конкретные предложения для построения концепции инжиниринга цифрового контроля за опасным поведением человека в обществе с учетом реальных задач обеспечения безопасности, которые стоят перед сотрудниками правоохранительных органов при предупреждении преступности.

Ключевые слова: *общественно опасное поведение, инжиниринг цифрового контроля, искусственный интеллект, профилактика преступности*

Для цитирования: Желудков М.А. Инжиниринг цифрового контроля за опасными формами поведения человека для общества при предупреждении преступности / М.А. Желудков. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.17 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 145–154.

formulate general conclusions), interpretation of legal standards (applied to clarify the content of the concept of digital control engineering of socially dangerous human behavior aiming to address gaps in the of law enforcement regulation). Results: the article proposes a mechanism for assessing the content of dangerous human behaviors in a public place and on the Internet. The article formulates specific proposals for creating the concept of digital control engineering of dangerous human behavior in society, taking into account the real security challenges faced by law enforcement officials in crime prevention.

Keywords: *socially dangerous behavior, digital control engineering, artificial intelligence, crime prevention*

For citation: Zheludkov M.A. Digital Control Engineering of Dangerous Human Behaviors for Public Safety and Crime Prevention. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 145–154. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.17.

Введение

При построении различных систем предупреждения преступности в России в качестве угроз всегда выделяли различные формы опасного поведения человека для общества, противодействие которым сегодня немыслимо без средств и способов цифрового контроля при эффективной и своевременной профилактике такого поведения. Современная правоохранительная система достаточно полноценно осуществляет профилактические меры, о чем явно свидетельствует статистика уличной преступности. В период с января по сентябрь 2025 г. «на улицах, площадях, в парках и скверах зарегистрировано на 14,2 % преступлений меньше, чем годом ранее. Число уличных разбоев сократилось на 24,8 %, грабежей – на 31,5 %, краж – на 20,7 %»[1]. Казалось бы, можно успокоиться и продолжать усиливать совокупность правоохранительных средств воздействия для снижения уровня преступности. Однако не стоит забывать, что к видам общественно опасных форм поведения относятся не только зарегистрированные преступные деяния, но и другие формы, где присутствуют явные признаки отклонения от норм и правил, установленных в обществе, а именно: мелкое хулиганство, закладка наркотиков и последующее их употребление, суицидальные наклонности и др. Подобные формы поведения не всегда попадают в статистику преступности, но от этого они не становятся менее общественно опасными. Ведь человек заинтересован не только в защите от непосредственных состоявшихся преступлений, но и желает ощущать защищенность на психологическом уровне, то есть осознанно считать, что в городе, районе, месте его нахождения применяются особые формы контроля, которые не допустят или прекратят любые виды общественно опасного поведения другого физического лица.

По данным исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения за

1 МВД России : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/72174303/ (дата обращения: 24.12.2025).

2022, 2023 и 2024 гг., «показатель ощущаемой безопасности среди россиян довольно высокий – восемь из десяти (80 %) скорее чувствуют себя в безопасности в своем населенном пункте (2022 г. – 83 %, 2023 г., май – 84 %); скорее не чувствуют – 17 %. Мужчины чаще женщин чувствуют себя в безопасности (82 % vs. 77 %), также уровень ощущаемой безопасности увеличивается после 45 лет (80–85 % vs. 75–77 % в группе до 45 лет). Размер населенного пункта заметно влияет на уровень ощущаемой безопасности: чем меньше размер населенного пункта, тем увереннее его жители говорят о безопасности (Москва, Санкт-Петербург, города-миллионники – 75 %, село – 84 %). Примерно каждый пятый житель мегаполиса не может с уверенностью сказать, что город является безопасным местом проживания (20–23 % среди столичных жителей и жителей миллионников), на селе доля таких ответов ощутимо ниже – 13 %»[2].

Не останавливаясь на причинах того, что город пока не является полностью безопасным местом для проживания, тем не менее отметим, что современные средства цифрового контроля создают определенный уровень безопасности в обществе, но только для фиксации реализованных форм негативного поведения, без предотвращения на стадии их первичного проявления, о чем явно свидетельствуют следующие примеры.

22 января 2024 г. была задержана межнациональная банда, состоящая из пяти треш-стримеров, которые на улицах Белгорода избивали местных жителей, записывали видео, а затем публиковали негативный контент в своем телеграмм-канале; во главе банды стоял 17-летний бывший гражданин Украины[3].

27 апреля 2024 г. в Ростове-на-Дону был задержан 17-летний треш-блогер, неонацист и самбист, гражданин Ш., фактически создавший собственную организованную преступную группу, длительное время занимавшуюся жестоким избиением на улицах случайных прохожих[4].

Согласимся с тем, что «такие преступники, как правило, не скрывают, а, наоборот, открыто публично демонстрируют свои антиобщественные взгляды и убеждения в виртуальной среде, совершая подобные провокационные и противоправные действия на улице, руководствуются преимущественно мотивами самоутверждения» [1, с. 165].

Можно ли было предотвратить подобные формы поведения еще на стадии начала действий данных лиц? Попытаемся дать ответ на данный вопрос.

Отправным пунктом нашего исследования выступает не форма правоохранительной работы, а поведение в обществе, где государство должно не только обладать правоохранительными возможностями предупреждения преступности, но и на основе искусственного интеллекта создавать системы инжиниринга цифрового контроля за общественно опасным поведением человека с учетом соизмерения защиты субъективных прав при персональной идентификации личности и законных интересов общества и государства. Обратим особое внимание на разработку и внедрение цифровых интеллектуальных систем, которые в автоматическом режиме будут или уже проводят анализ поведенческих действий физических лиц на определенной территории, в определенном месте, определенном виртуальном пространстве.

Общественно опасные формы поведения физического лица могут анализироваться в общественных местах (торговые центры, уличные пространства, придомовые территории, парки и др.), в виртуальном пространстве сети Интернет (обращение к сайтам с экстремистской, террористической или иной запрещенной тематикой), мониториться с учетом коммуникативных возможностей (переписка и взаимодействие в мессенджерах, электронной почте, социальных сетях).

Возникает обоснованная дискуссия об ограничении общественно опасного поведения конкретного человека, в том числе с по-

2 Улицы без безопасности [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ulicy-bez-opasnosti?ysclid=mhua 494uuy 825411651 (дата обращения: 07.12.2025).

3 Главарь банды треш-стримеров из Белгорода [Электронный ресурс]. URL: https://mskvremya.ru/article/2024/1677 (дата обращения: 24.12.2025).

4 Силовики задержали самбиста-националиста из Украины [Электронный ресурс]. URL: https://runews24.ru (дата обращения: 24.12.2025).

мощью видеокамер, работающих в связке с программой распознавания лиц и использующих базу биометрических данных физических лиц. Вопросы идентификации граждан с использованием биометрических данных определены в Федеральном законе от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»[5]. Однако указанный закон не закрепляет вопросы обеспечения безопасности и тем более профилактики форм общественно опасного поведения человека. Отсутствует понятийный аппарат для подобных форм поведения, не решен вопрос реагирования на любые формы негативного поведения на основе новых средств и методов цифрового и технологического развития. Существуют реальные проблемы при разработке алгоритмов для программ искусственного интеллекта с целью распознавания способов и форм проявления общественно опасного поведения человека. Так, в 2021 г. системы искусственного интеллекта видеонаблюдения и аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» не распознали оружие в руках напавшего на казанскую гимназию гражданина Г. «Еще в день трагедии в Казани в интернете были опубликованы ролики с городских камер видеонаблюдения, на которых видно, что Г. идет к гимназии с ружьем наперевес, встречает прохожих, но его никто не останавливает и будто бы не замечает». По мнению эксперта, представителя НИИ спецтехники при НПО «Специальная техника и связь», оружие не зафиксировано в том числе по причине того, что из всего бюджета, выделенного на «Безопасный город» и системы видеонаблюдения, львиная доля уходит не на распознавание личности, а на создание систем контроля нарушений правил дорожного движения[6].

5 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6 Ученый объяснил, как «Безопасный город» не распознал оружие [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20210513/oruzhie-1732114535.html (дата обращения: 12.01.2026).

Повышение эффективности общественной безопасности на основе инжиниринга цифрового контроля за общественно опасным поведением человека

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что важно повышать эффективность предупредительных мер общественной безопасности с учетом не только правоохранительной борьбы, но и новых инновационных подходов, в том числе идей инжиниринга цифрового контроля за общественно опасным поведением человека. В концепции инжиниринга следует иметь соответствующие формы обеспечения:

– наличие законодательного регулирования понятия общественно опасного поведения;

– адекватное проектирование инженерно-технических решений в сфере видеонаблюдения и аналитической оценки полученного материала;

– соответствующая информационно-техническая коммуникация поступающей информации с видеокамер, ее обработка системами искусственного интеллекта и организация деятельности субъекта правоохранительного органа (подобное взаимодействие сегодня применяется на уровне Роскомнадзора и органов полиции при выявлении лиц, которые интересуются экстремистскими материалами на запрещенных сайтах);

– постоянный мониторинг общественно опасного поведения человека во внешней среде и в различных социальных сетях, мессенджерах;

– документирование совершенного общественно опасного поведения на определенных внешних облачных платформах для последующего доказательственного закрепления;

– наличие соответствующих функциональных обязанностей у конкретного субъекта правоохранительной системы за сбором, документированием, оценкой и доведением до охраны права совершенного общественно опасного поведения, в том числе на стадиях подготовки и приготовления к деянию;

– разработка документов нормативного, методического, технического характера при подобной форме деятельности;

– анализ предлагаемых системами искусственного интеллекта методов для фактического реагирования субъекта правоохранительной системы.

Право государства на инжиниринг цифрового контроля вступает в противоречие с правом других лиц на защиту персональных данных. Вопросы хранения, сбора и использования подобных сведений вызывают острую полемику и не разрешены до настоящего времени. Кроме того, современное нормативное регулирование так и не определилось с содержанием понятия «общественно опасное поведение физического лица».

Как уже указывалось, инжиниринг цифрового контроля за опасным поведением человека в общественном месте или цифровой социальной среде представляет собой новую технологическую систему, где программы искусственного интеллекта по определенным алгоритмам анализируют поведение конкретного человека, выявляют характерные признаки его общественно опасного поведения и в автоматическом режиме подают сигнал субъектам правоохранительной системы для реагирования и минимизации негативных последствий. При создании подобной системы очень важно не ошибиться с содержанием понятийного аппарата, законодательным регулированием и закреплением особых элементов этой системы, создающих возможности для разработки оптимальных технических решений, которые обеспечат эффективность, надежность и безопасность будущего проекта. Ведь, по сути, инжиниринг – это комплексное предоставление услуг по разработке и реализации решений на уровне инженера в определенной сфере жизнедеятельности, в нашем случае – в общественном месте, интернет-пространстве и социальных сетях. Построение подобной системы реагирования на общественно опасное поведение человека без выявления элементов его содержательного понятия невозможно. Различные аспекты данной формы поведения постоянно привлекали внимание и затрагивались не только в научной, но и в художественной литературе, что свидетельствует о значимости данной проблемы для нашего общества.

В этом отношении выделим классические художественные произведения: «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского раскрывает основы мотивов и психологии Родиона Раскольникова при совершении убийства; «Человек в футляре» А.П. Чехова показывает деградацию личности человека при попытке добровольного принятия индивидуальных запретов при игнорировании социальных поведенческих правил поведения; «На дне» М. Горького показывает определенную форму негативной жизнедеятельности людей, лишенных социальных перспектив; «Облако в штанах» В. Маяковского раскрывает проблемы поиска веры в силу человека на основе отрицания традиционных ценностей, где задействованы противопоставление возвышенного и низменного, духовного и телесного.

Таким образом, вопросы объяснения элементов и причин опасного поведения человека всегда волновали общество и вызывали интерес к этому вопросу. Однако если попытаемся найти данное понятие в законодательстве, то исследователя ждет разочарование. В уголовном законодательстве ссылка на подобное понятие дается неоднократно, например, в ст. 6, 14, 15, 37 и 60 УК РФ, где поведение заменено на деяние, которое законодатель считает общественно опасным, но не разъясняет его элементы или признаки. То есть функции, роль и задачи общественной опасности в преступлении и в наказании за его совершение разъяснены, но не раскрывается содержание и структура данного понятия. В административном законодательстве данное понятие и вовсе отсутствует. Административное правонарушение, по мнению законодателей, не является общественно опасным, что не мешает вопросам наказания и создания новой цифровой системы контроля за поведением людей, совершающих такие правонарушения. В частности, системы автоматической идентификации и последующего назначения штрафов за нарушение правил дорожного движения. В развитие данной идеологии на уровне сенаторов проходит обсуждение предложений о необходимости использования системы распознавания лиц для автоматической идентификации и привле-

чения к административной ответственности за переход железнодорожных путей в неположенном месте. «Предполагается, что камера "увидит" гражданина, переходящего пути, затем система распознавания лиц установит его личность и выпишет автоматический штраф»[7].

В различных правовых системах закладываются основы применения технологий искусственного интеллекта на основе алгоритмов негативного поведения людей, где не человек, а программа будет определять их опасность для общества или других граждан. Но для того чтобы построить указанные алгоритмы, общество должно самостоятельно на уровне нормативного обеспечения определиться, какое поведение человека следует считать общественно опасным. Как уже указывалось, содержание данного понятия в законах не раскрывается, поэтому исследователям приходится обращаться к его толкованию в других источниках, чтобы заложить в программу искусственного интеллекта алгоритм анализа негативных действий людей на основе опасности их поведения для общества или для другого человека.

Из-за отсутствия нормативного толкования данного понятия приходится подвергать изучению решения Конституционного Суда РФ. Так, в постановлении от 20 апреля 2006 г. № 4-П указано, что «федеральный законодатель, внося изменения в регулирование мер уголовно-правовой защиты права собственности, должен исходить из требования адекватности порождаемых ими последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, что не исключает конституционно оправданную целесообразность при конструировании новых составов преступлений, а также основываться на учете фактического состояния общественных отношений в конкретно-исторических условиях, предопределяющих необходимость повышенной защиты тех или иных прав и законных интересов граждан, обеспечивая при этом соразмерность уголовной ответственности защищаемым уголовным законом ценностям при соблюдении конституционных принципов равенства и справедливости. Соответственно, при дифференциации уголовной ответственности за хищение чужого имущества в зависимости от его стоимости должна учитываться общественная опасность деяния и порожденных им последствий как с точки зрения размера вреда, причиненного собственнику или иному законному владельцу имущества, который оценивается в уголовном законе исходя из того, кому причинен такой вред – физическому или юридическому лицу, так и с точки зрения размера похищенного»[8]. В данном решении общественная опасность деяния в преступлениях против собственности выделена в виде причиненного вреда по размеру похищенного и оценки данного вреда со стороны виновного.

То, что требуется для выявления преступлений против собственности, было дополнено для всей социальной структуры этого понятия в следующем судебном толковании: «согласно статье 6 УК РФ справедливость наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность)»[9].

7 Граждан разворачивают лицом к штрафам [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/ doc/8140374? utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A//dzen.ru/news/instory/94260ce8-5115-566e-bf73-75c9dd063ec0 (дата обращения: 24.12.2025).

8 По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа : постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9 О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Подобные судебные толкования снимают проблемные моменты при выявлении признаков преступления в деянии личности, но возникает обоснованный вопрос: каким образом искусственный интеллект будет высчитывать характер и степень общественной опасности поступка физического лица, если этот признак присущ только преступлениям, а не правонарушениям или даже негативным проступкам, которые общественной опасностью не обладают по нормам закона, но являются таковыми по нормам морали или нравственности?

Попробуем обосновать предположение, что не только преступлением, но и проступком или правонарушением могут причиняться или создаваться условия для причинения вреда обществу, государству или отдельной личности, что позволяет определять данное поведение как общественно опасное. В основе нашей концепции лежит постулат: если причиняется вред любому объекту независимо от степени этого вреда, то такое поведение не может быть общественно допустимым или полезным, следовательно, его следует считать общественно опасным. Отсюда возникает необходимость провести оценку научных позиций по данному вопросу.

Известный ученый А.Э. Жалинский указывал, что «к сожалению, реальное значение признака общественной опасности недооценивается как в теории уголовного права, так и, что гораздо важнее, в правоприменительной практике. Практически вопрос об общественной опасности деяния возникает при разграничении преступлений и административных правонарушений либо при предположении о малозначительности деяния, отождествляемой, как правило, с характером преступных последствий или с интенсивностью деяния, прежде всего выраженной в размере вреда. На мой взгляд, такой подход является недостаточным и может деформировать правоприменительную практику» [2, с. 228].

Обозначим идею о том, что понятие общественной опасности вообще не следует раскрывать в содержательном значении, так как различные виды преступных деяний потому и включены в Уголовный кодекс, что они обладают общественной опасностью, признанной законодателем. «В той группе составов преступлений, где описаны признаки как действия (бездействия), так и вредные последствия, нет необходимости устанавливать опасность соответствующего поступка, выявлять реальность возможного наступления вреда. Все это уже оценено законом и подзаконными актами, на которые ссылается такая статья» [3, с. 145].

Предлагаются и различные законодательные определения общественной опасности: «общественная опасность преступления, а также деяния лица, не подлежащего уголовной ответственности, представляет собой причинение существенного вреда или создание угрозы причинения такого вреда благам (социальным ценностям), предусмотренным в части первой статьи 2» УК РФ [4, с. 14]. Неоднозначное оценочное понятие существенности вреда может создать трудности для правоприменительного реагирования, тем более что автор так и не указывает, каким образом отграничить формы общественно опасного непреступного поведения лица, где грань между существенными и несущественными условиями вреда.

Согласимся и с тем, что «в уголовно-правовой науке и практике одним из наиболее разработанных (хотя и дискуссионных) понятий является общественная опасность преступления. В отличие от этого, общественная опасность непреступных деяний исследована гораздо меньше» [5, с. 167].

Более приемлемо для практического применения в создании алгоритма для программ искусственного интеллекта содержание понятия общественно опасного поведения раскрыто с точки зрения психологической науки. «В психологической литературе социальное поведение делят на нормативное и негативное, которое может быть социально неадекватным и социально опасным. Социально неадекватное поведение проявляется в проступках и характеризуется как отклоняющееся от нормы, девиантное поведение. В большинстве исследований социально опасное поведение рассматривается как отклоняющееся от социальных норм, ведущее к социальной дезадаптации, напряженности, конфликтам, неконструктивному поведению, следствие исчерпанности

освоенных человеком безопасных для себя и окружающих поведенческих стратегий и отсутствие безопасного поведения...» [6, с. 5].

На основе этих и других научных позиций можно сделать вывод, что общественно опасное поведение человека изучается не только представителями уголовно-правовых наук, но и других отраслей знаний, где затрагиваются элементы общественных отношений, а также содержание угроз для интересов личности, общества и государства. Обоснованно полагаем, что при загрузке информации для алгоритмов искусственного интеллекта нельзя основываться только на преступных деяниях и их малозначительности. «Все попытки определить сущность преступления только через понятие общественной опасности ни к чему не приводят, а только запутывают ситуацию. И если преступление онтологически связано с причинением вреда, вопрос лежит в плоскости познания этого вреда, его выявления и измерения» [7, с. 33].

Соглашаясь с тем, что без общественной опасности, согласно современному законодательству, не может быть преступления, тем не менее нельзя однозначно утверждать, что именно это понятие санкционирует отграничение преступного деяния от непреступного, то есть выделить криминализацию и декриминализацию. Научные и доктринальные споры по данному вопросу ни к чему так и не привели и во многом лишь запутывают правоприменителя. Ведь, как указывалось ранее, закрепление в уголовном законодательстве конкретного преступления уже дает основание считать его общественно опасным. Почему же в этом случае закрепление в административном, налоговом, трудовом и иных видах законодательства негативного деяния, причиняющего вред обществу, личности или государству, не следует считать общественно опасным поведением?

Современная цифровая среда позволяет контролировать и давать содержательную оценку общественно опасных форм поведения конкретного человека (как в общественном месте, так и в социальных сетях или при общении в сети Интернет) без признаков конкретного преступного деяния. Сразу выделим тот факт, что нельзя в этом случае применять термин «деяние», он у́же термина «поведение». В основе отграничения лежит комплекс объективных и социальных причин. Поведение состоит из различных форм деяния, где феномен общественной опасности будет заключаться в отклонении от социальных норм общества, по которым развивается личность, и в создании угрозы формирования социальной дезадаптации, возникновения конфликтов и негативной общественной практики.

На основе анализа приведенных и других мнений ученых и практиков, примеров правоприменительной практики и реализации аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» были сделаны следующие предположения для построения концепции инжиниринга цифрового контроля за общественно опасным поведением человека в общественном месте или цифровой социальной среде. Общественная опасность должна быть обоснована материальным содержанием угрозы в поведении человека, даже если в таком поведении явно не выявлены признаки какого-либо преступления. Нарушение социальных норм поведения, установленных в обществе и закрепленных в различных нормах законов или в иных документах, образует объективный признак данного понятия, причем сложность в механизме отражения реальной действительности должна повлечь за собой и соответствующий субъективный признак, а именно характеристику поведения личности в социальной среде, где форма поведения основывается на его воле, интересах и мировоззренческой ориентации. В одинаковых социальных условиях люди ведут себя по-разному. Вот почему важно зафиксировать в программе инжиниринга не только нормы права, при нарушении которых сработает предупреждение, а заложить все необходимые алгоритмы социально опасных форм поведения именно для той внешней и цифровой среды, где может находиться человек. В частности, следует разработать критерии аморального, асоциального, антиобщественного, противоправного и других социально опасных форм поведения в общественных местах, которые несут в себе угрозу для другой личности, общества или государства и по своим свойствам не совпадают с нормами и предписаниями права,

закрепляющими общественные ожидания от поведения личности, то есть не только преступного поведения. В интернет-пространстве должна быть технически закреплена автоматическая блокировка или фильтрация контента по категориям запрета (насилие, оружие, наркотики и др.). По коммуникации в мессенджерах, электронной почте и социальных сетях закладывается анализ цифрового следа каждой личности. Полученные результаты будут основаны на том, что при увеличении количества, а также перечня алгоритмов общественно опасного поведения явно видна зависимость быстрого реагирования на угрозу, но также на последующее предотвращение уже преступного деяния на стадии подготовки или покушения. Значительно упрощаются возможности для правоохранительных органов, уменьшаются временны́е рамки выезда патрульно-постовой службы полиции, возрастает вероятность установления личности потенциального или реального нарушителя.

Заключение

При построении алгоритмов определения содержательных признаков негативных форм поведения в концепции инжиниринга цифрового контроля за опасным поведением людей в общественном месте или цифровой социальной среде следует руководствоваться следующим элементами данного понятия:

1) элемент материального фактора угрозы причинения вреда объекту защиты, даже если деяние не является преступным, но нарушает правила социальной среды, установленные и закрепленные законом или другими нормами права;

2) общественная опасность не должна быть только критерием криминализации деяния, если оно способно причинять вред охраняемым другими законами интересам личности, общества и государства;

3) способы и формы проявления общественной опасности от человека, применяемые в алгоритмах искусственного интеллекта, следует расширить до правонарушений и проступков, способных причинять вред личности, обществу и государству (подобное предложение можно реализовать на уровне Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[10]).

С учетом этих и других подобных данных можно сделать вывод, что инжиниринг цифрового контроля за общественно опасным поведением человека в социальной среде не должен быть исключительно полицейской функцией, в нем должны быть заложены предпосылки использования данной системы с учетом сил и средств охраны объекта, а также форм гражданского реагирования со стороны общества.

10 Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Список источников

1. Буданова Е.А. Уличная преступность в современной России: состояние, тенденции и основные проблемы профилактики / Е.А. Буданова, С.А. Буданов, О.С. Иванченко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2024. – № 3. – С. 163–169 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru /article/n/ulichnaya-prestupnost-v-sovremennoy-rossii-sostoyanie-tendentsii-i-osnovnye-problemy-profilaktiki (дата обращения: 07.11.2025).
2. Жалинский А.Э. Избранные труды : в 4 т. Т. 2. Уголовное право : монография / А.Э. Жалинский ; отв. ред. О.Л. Дубовик. – Москва : Высшая школа экономики, 2015. – 591 с.

References

1. Budanova E.A., Budanov S.A., Ivanchenko O.S. Street Crime in Modern Russia: The State, Trends and Main Problems of Prevention. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii,* 2024, no. 3, pp. 163–169. Available at: https://cyberleninka.ru /article/n/ulichnaya-prestupnost-v-sovremennoy-rossii-sostoyanie-tendentsii-i-osnovnye-problemy-profilaktiki.
2. Zhalinsky A.E.; Dubovik O.L. (ed.). Selected Works. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2015. Vol. 2. 591 p.
3. Kudryavtsev V.N., Naumov A.V. (eds.). Course of Russian Criminal Law. General Part. Moscow, Spark Publ., 2001. 767 p.

3. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. – Москва : Спарк, 2001. – 767 с.

4. Егорова Н.А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика / Н.А. Егорова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 1 (48). – С. 8–18 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru /article/n/ obschestvennaya-opasnost-prestupleniya-teoriya-zakonodatelstvo-sudebnaya-praktika (дата обращения: 24.12.2025).

5. Ищенко И.В. Характер и степень общественной опасности преступлений и непреступных деяний: проблемы понятия и критериев определения / И.В. Ищенко // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 165–179 [Электронный ресурс]. – URL: https://e.lanbook.com /journal/issue /346745 (дата обращения: 08.12.2025).

6. Пиркина В.Г. Социально опасное поведение обучающихся как психолого-педагогическое явление / В.Г. Пиркина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 6 [Электронный ресурс]. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/113PSMN620.pdf (дата обращения: 08.12.2025).

7. Хилюта В.В. Учение о преступлении в историко-правовом аспекте и контуры социальной реальности догматических понятий / В.В. Хилюта // Вестник Югорского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 30–35 [Электронный ресурс]. – URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/373393 (дата обращения: 08.12.2025).

4. Egorova N.A. Social Danger of a Crime: Theory, Legislation, Judicial Practice. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1 (48), pp. 8–18. Available at: https://cyberleninka.ru /article/n/obschestvennaya-opasnost-prestupleniya-teoriya-zakonodatelstvo-sudebnaya-praktika.

5. Ishchenko I.V. The Nature and Degree of Public Danger of Crimes and Non-Criminal Acts: Problems of the Concept and Criteria of Definition. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law,* 2023. Vol. 25, no. 1, pp. 165–179. Available at: https://e.lanbook.com /journal/issue /346745.

6. Pirkina V.G. Socially Dangerous Behavior of Students as a Psychological and Pedagogical Phenomenon. *World of Science. Pedagogy and psychology,* 2020, vol. 8, no. 6. Available at: https://mir-nauki.com/PDF/113PSMN620.pdf.

7. Khilyuta V.V. The Doctrine of Crime in the Historical-Legal Perspective and the Contours of the Social Reality of Dogmatic Concepts. *Yugra State University Bulletin,* 2025, no. 3, pp. 30–35. Available at: https://e.lanbook.com/journal/issue/373393.

Информация об авторе

Желудков Михаил Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» Юридического института Тамбовского государственного технического университета; ведущий научный сотрудник Юго-Западного государственного университета.

Information about the Author

Zheludkov Mikhail Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence at the Law Institute of Tambov State Technical University; Leading Researcher at the South West State University.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 16.03.2026; accepted for publication 16.03.2026.